

ДОКУМЕНТАРНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ КАК ОСОБАЯ ФОРМА КОНСТРУКТИВИСТСКОЙ НАРОДНОЙ СОЦИОЛОГИИ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ИЗ ДАГЕСТАНА

Е.А. Варшавер, А.А. Орлова, А.Е. Шульга

Евгений Александрович Варшавер | <http://orcid.org/0000-0002-5901-8470> | varshavere@gmail.com | к. социол. н., старший научный сотрудник | Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС при Президенте РФ (ИПЭИ РАНХиГС) (пр. Вернадского 82–84, корп. 9, офис 1805, Москва, 119571, Россия)

Анастасия Анатольевна Орлова | <http://orcid.org/0009-0001-4245-5113> | aaorlova_10@edu.hse.ru | студент | Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (Покровский бульвар 11, Москва, 109028, Россия)

Андрей Евгеньевич Шульга | <http://orcid.org/0009-0002-6042-8546> | rastrub00@gmail.com | студент | Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (Покровский бульвар 11, Москва, 109028, Россия)

Ключевые слова

этничность, народная социология, Дагестан, конструктивизм, классификации, документы

Аннотация

В этой статье на основании анализа литературы, посвященной народным теориям этничности (*folk theories of ethnicity*), обосновывается существование документарного конструктивизма – взгляда, согласно которому этничность имеет прежде всего административную природу, т.е. является не врожденной, а приобретенной характеристикой. На материале 130 интервью, собранных в Дагестане, где на протяжении XX в. государство несколько раз меняло этнические классификации и “перемещало” целые сообщества из одной национальности в другую, демонстрируется, что документарный конструктивизм как особый тип народной социологии этничности в Дагестане действительно сформировался и что люди, имеющие отношение к сообществам, фактически ставшим объектом реклассификации в советское время, тяготеют к такому взгляду на природу этничности значительно чаще остальных. Делается вывод, что распространенность тех или иных народных теорий этничности связана с характеристиками социального контекста. В дальнейшем предполагается детальнее исследовать вариативность народных теорий этничности и их детерминанты.

Информация о финансовой поддержке

Статья написана на основании научно-исследовательской работы в рамках государственного задания РАНХиГС на 2023 г.

Статья поступила 12.04.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 30.07.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Варшавер Е.А., Орлова А.А., Шульга А.Е. Документарный конструктивизм как особая форма конструктивистской народной социологии: свидетельства из Дагестана // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 156–177. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060106> EDN: MOURPT

Varshaver, E.A., A.A. Orlova, and A.E. Shulga. 2023. Dokumentarnyi konstruktivizm kak osobaiia forma konstruktivistskoi narodnoi sotsiologii: svidetel'stva iz Dagestana [Documentary Constructivism as a Special Form of Constructivist Folk Sociology: Evidence from Dagestan]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 156–177. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060106> EDN: MOURPT

Конструктивизм – это доминирующая в настоящее время парадигма исследований этнических явлений. Он сформировался как оппозиция примордиализму и эссенциализму – подходам, во многом продвинутым исследователями, работавшими в конструктивистской рамке. Сущность этих подходов редко определялась прямо, обычно речь шла о совокупности взглядов на этничность, согласно которым каждый человек “приписан” к той или иной этнической категории с рождения, его этническая принадлежность измениться не может, а мир делится на этнические группы, являющиеся важными акторами социальных и исторических процессов. В некоторых исследованиях генезис этих взглядов подробно реконструируется (*Wimmer 2009*), на основании чего делается предположение, что, по сути, речь идет о повседневных представлениях (*Gil-White 2001*), перекочевавших в науку и на некоторое время занявших в ней командные высоты (*Варшавер 2022б*).

Параллельно с эмпирическими исследованиями, оспаривающими те или иные примордиалистские и эссенциалистские тезисы, и теоретическими работами, посвященными динамике научных взглядов на этнические феномены, появилось новое направление, фокусирующееся на том, как представляют себе этничность простые люди. Актуальность таких исследований проистекала среди прочего из соображения, согласно которому народные представления об этнических явлениях существенно влияют на отношение к чужакам, брачные устои, степень вовлеченности в конфликты и другие безусловно важные вещи. Самой известной работой в этой области стала статья Ф. Гила-Уайта (*Gil-White 2001*), изучавшего, как жители монгольских степей классифицируют детей, воспитанных представителями этнической категории, отличной от той, которой принадлежали их родители. Полученные результаты позволили Ф. Гилу-Уайту, вслед за пионером нового направления Л. Хиршфелдом, исследовавшим восприятие расы американскими детьми трех-четырёх лет (*Hirschfeld 1996*), сформулировать тезис: человек “по природе” является примордиалистом/эссенциалистом. В других исследованиях, однако, этот тезис был поставлен под сомнение и было продемонстрировано, что в некоторых контекстах (напр., на Мадагаскаре [*Astuti 1995*] или в Восточной Европе [*Kanovsky 2007*]) люди скорее придерживаются противоположных позиций. В последующие годы новое направление, названное народной социологией этничности, набрало существенные обороты: методология становилась сложнее (*Hamer et al. 2020*), выводы – дифференцированнее (см.: *Erut 2017*; *Schraml 2014*; *Roberts, Gelman 2016*), а теоретические импликации соединяли это направление с самыми разными аспектами возрастной психологии (см.: *Astuti et al. 2004*; *Kinzler, Dautel 2012*; *Woods 2017*), эволюционной когнитивистики (см.: *Cosmides et al. 2003*; *Kurzban et al. 2002*) и проч. Эти исследования, за редким исключением (*Hussak, Cimpian 2019*), конструировали континуум “примордиализм/эссенциализм – конструктивизм”, противопоставляя представления об этнической принадлежности как о врожденной характеристике и как о категории культуры, в которую социализируется индивид.

В последние 20 лет в конструктивистских исследованиях этничности все чаще отмечается, что она в значительной степени производится под влиянием государств и их бюрократических машин (см.: *Appadurai 1993*; *Simon et al. 2015*), а люди в современных обществах идентифицируются с категориями, в том или ином виде “спущенными сверху” в рамках процедур подсчета и классификации населения для последующего управления им. Народная социология этничности, которая постепенно приходит к выводу, что представления простых людей об этничности не детерминированы человеческой психической конституцией однозначно, а существенно зависят от контекста (*Woods 2017*), и сегодня практически индифферентна к “документарному” повороту в исследованиях этничности и

в целом не склонна фокусироваться на различиях пре-модерных и сформированных при участии современных государств классификаций. Исследования же современных классификаций *de facto* исходят из того, что они носят стабильный характер, в результате люди могут поверить, что на самом деле являются теми, кем их видит государство и тем самым “оестествить” соответствующие этнические категории.

Что, однако, происходит, если классификации “сверху” носят динамичный характер, а люди на протяжении относительно короткого времени приписываются к разным этническим категориям? Можно ли предположить, что такое положение вещей приведет к появлению особого типа конструктивистской народной социологии, согласно которой ключевая этническая реальность – это реальность официальных документов (документарная реальность), а человек этнически является не тем, кем являются его родители, не тем, в чью “культуру” он социализировался, а тем, кем он записан в документах, фиксирующих этническую принадлежность?

Дагестан, республика на юге России, представляет собой яркий пример изменчивости официальных классификаций. В данной статье на базе 130 глубинных интервью, проведенных в разных частях Дагестана, демонстрируется, что документарный конструктивизм как особый тип народной социологии этничности в Дагестане действительно возник и что люди, имеющие отношение к сообществам, фактически ставшим объектом реклассификации в советское время, тяготеют к такому взгляду на природу этничности значительно чаще остальных. На этом основании предлагаются к обсуждению следующие более широкие тезисы: (1) народно-социологические взгляды на этничность связаны с историей становления и изменения этнических классификаций и (2) вероятность распространения документарного конструктивизма как взгляда на природу этничности тем выше, чем “невнятное” и “противоречивое” государственная классифицирующая политика.

Обзор литературы

Согласно конвенциональной разметке (см.: *Berg-Sorensen et al.* 2011; *Williams* 2015), научные представления об этничности могут быть размещены в континууме, в одной части которого находятся конструктивизм и инструментализм, а в противоположной – примордиализм и эссенциализм. На данный момент – на основании существующего “конструктивистского консенсуса” (см.: *Wimmer* 2013; *Chandra* 2012) – основные положения этой оппозиции можно описать следующим образом. В фокусе примордиалистских и эссенциалистских исследований этнических явлений находятся по-разному называемые коллективы (племена, этнические группы, национальности и др.), имеющие собственную, не сводимую к прочим культуру, члены которых “таковыми” (этнически) рождаются, т.е. этническая принадлежность передается генетически и не может меняться в течение жизни. Конструктивизм и инструментализм, напротив, утверждают, что этническая принадлежность – это то, что приобретается в процессе социализации частью за счет освоения культуры, частью за счет категоризации и идентификации человека в качестве представителя того или иного коллектива, более того, этническая принадлежность может со временем меняться. Важной вехой развития конструктивизма стала проблематизация понятия “группа” (*Brubaker* 2002), в результате чего в фокусе анализа оказываются этнические категории и смыслы, с ними связанные.

Эта конвенциональная разметка, по всей видимости, не в полной мере точна и порой карикатуризирует (*Horowitz* 2002) примордиализм и эссенциализм, а

порой почти автоматически приписывает конструктивизму все, что автор соответствующего текста считает правильным и хорошим. Так, из публикации в публикацию кочуют представления, согласно которым родоначальником примордиализма является К. Гирц, который, однако, вполне конструктивистски противопоставил субъективную важность этнических и прочих социальных идентичностей (Geertz 1963)¹, а классиком конструктивизма и инструментализма считается Ф. Барт, концептуализировавший этнические границы, который, однако, впал в “грех эссенциализма”, в целом не отказываясь от идеи существования группы как явления (Barth 1998)². Эти примеры говорят о том, что к вопросу разметки поля, несмотря на призывы “перестать пинать мертвую лошадь примордиализма” (Wimmer 2013: 2), имеет смысл вернуться, в связи с необходимостью более полного понимания феномена этничности. Некоторые подобные попытки уже предпринимаются, заявляется, например, что пространство несогласия описывается не континуумом “эссенциализм-конструктивизм”, а континуумом “пердурабиллизм-инструментализм”, что предметом спора являются устойчивость этнических категорий и то, можно ли свести этничность исключительно к прагматическому инструментальному интересу (Hale 2004).

Важно отметить, что со временем стало складываться понимание, что конструктивизм борется не столько с учеными, придерживающимися эссенциалистских и примордиалистских позиций, сколько с ненаучными, вернакулярными представлениями о природе этничности (см.: Wimmer 2013; Варшавер 2022б), носители которой – простые люди, как следовало из некоторых исследований, склонны мыслить группистски, атрибутировать этническим группам особую культуру, а также полагать, что этничность содержится у людей “в крови”. Изучением того, как простые люди на самом деле представляют этничность, занимается народная социология.

Своего рода предтечей этого направления стало уже упомянутое выше исследование Л. Хиршфелда (Hirschfeld 1996), в котором он показал, что человек обладает специальным когнитивным механизмом для разделения социального мира на этнические (в частности расовые) категории, и эти категории формируются на основе того же механизма, который человек использует для различения биологических видов. Л. Хиршфелд подчеркивает, что такая глубинная классификаторная логика в принципе присуща человеку: он склонен натурализовать социальные различия путем разделения людей на стабильные группы, представители которых объединены между собой общей внутренней сущностью. Вслед за работой Л. Хиршфелда появляются два важных исследования, где авторы задаются вопросом: кем – эссенциалистом или конструктивистом по своей природе является человек? – и дают на него диаметрально противоположные ответы.

Первое исследование проведено Р. Астути (см.: Astuti 1995, 2001): на значительном эмпирическом материале, собранном на Мадагаскаре, автор изучила представления о сущности этнических категорий у везо. Р. Астути использовала ставший классическим тест “подмены при рождении” (*Switch at birth task*, SaBT)³, по результатам которого, сделала вывод: в представлении информантов, этническая категория ребенка, по какой-либо причине переданного в приемную семью, совпадает с этнической категорией приемных, а не биологических родителей. Таким образом, даже в традиционных контекстах информанты являются конструктивистами.

В вышедшей в 2001 г. статье Ф. Гила-Уайта, о которой уже упоминалось выше (см.: Gil-White 2001), описывается, как жители монгольских степей квалифицируют детей, воспитанных представителями иной, нежели у их родителей, этнической категории. Автор показывает, что даже степняки, убежденные

в том, что членство в этнической категории передается в процессе социализации, в конце концов начинают утверждать, что “монгольскость”/“казахскость” – это некоторая сущность, присущая человеку от рождения. Согласно объяснительной модели Ф. Гила-Уайта, представление об этничности всегда сосредоточено вокруг представлений о происхождении и нормативной эндогамии, и, если этнические группы достаточно отличаются друг от друга по некоторым значимым характеристикам, эти группы (здесь Ф. Гил-Уайт продолжает логику Л. Хиршфелда) будут эссенциализированы человеком как биологические виды. Подобные рассуждения позволили Ф. Гилу-Уайту сделать следующий вывод: именно эссенциализм является естественной для сознания человека оптикой восприятия этнических групп.

Интегрировать результаты Л. Хиршфелда, Р. Астути и Ф. Гил-Уайта попытался М. Кановски (*Kanovsky* 2007). Критикуя такой классический индикатор эссенциализма, как биологическое наследование членства в этнической категории, он указал, что связь между эссенциализмом и тем или иным каузальным механизмом приобретения сущности всегда эмпирична и никогда не конститутивна, а люди могут мыслить эссенциалистски, даже отрицая факт передачи национальности “по крови”. Выводы о неоптимальности существующей и о необходимости более сложной системы индикаторов были поддержаны в последующей литературе (*Hussak, Cimpian* 2019). Между тем результаты М. Кановски довольно однозначно указывают на то, что именно социализация является ключевым индикатором для определения этнической принадлежности ребенка простыми людьми, и в целом в споре об эссенциалистской или конструктивистской природе человека данные М. Кановски свидетельствуют в пользу народного конструктивизма.

Такое расхождение не могло не привести к пониманию необходимости кросскультурного изучения народных представлений о сущности этничности. Результаты исследований ряда ученых (см.: *Hamer et al.* 2020; *Rad, Ginges* 2018) продемонстрировали, что распространенность тех или иных представлений действительно существенно варьируется от контекста к контексту. Более того, было показано, что ни эссенциализм, ни конструктивизм не являются единственной или базовой народной теорией этничности: во всех изученных странах были идентифицированы как эссенциалисты, так и конструктивисты, при этом доля последних была выше. Кроме того, и метаанализ проведенных исследований не привел к значимым результатам; его автор Е.С. Ерут пришел к выводу, что как концептуализации конструктивизма и эссенциализма, так и полевые способы идентификации позиции исследуемых существенно различаются от работы к работе (*Erut* 2017).

Параллельно этому усилия, потенциально важные для реконструкции “естественной” для человека концепции этничности, предпринимались в рамках возрастной психологии: информация об изменении в течение жизни представлений об этничности могла бы многое сказать о том, какие из них ближе к человеческой природе. Однако и здесь нет определенности. Одни исследователи утверждают, что эссенциализация этнических категорий усиливается с возрастом (см.: *Hirschfeld* 1996; *Birnbaum et al.* 2010; *Kinzler, Dautel* 2012), другие говорят об обратном (*Astuti et al.* 2004; *Woods* 2017) или описывают более сложные связи между возрастом и представлениями об этничности (*Diesendruck et al.* 2012). В частности, Р. Вудс на выборке учащихся мультикультурной школы в Лондоне показывает, что в сообществе, где этническая принадлежность в первую очередь определяется на основе атрибутов, считающихся изменяемыми (в данном случае религии), дети в процессе обучения склонны накладывать усваиваемые знания о свободе вероисповедания на суждения об этнических категориях, и

перенос конструктивистских суждений о религии на этничность усиливается по мере взросления (Woods 2017).

В целом эти исследования свидетельствуют о том, что человек не является эссенциалистом или конструктивистом “по природе” и народная концепция этничности усваивается ребенком в процессе социализации. О социальной (и в данном случае дискурсивной) природе народных представлений об этничности свидетельствует и исследование К. Шрамл. На основании интервью, проведенных в Руанде и Бурунди, она показывает, что конструктивистские и эссенциалистские суждения переплетаются в риторике информантов и этничность не воспринимается ими однозначно и консистентно (Schraml 2014).

Все описанные работы, однако, концептуализируют эссенциализм и конструктивизм как так или иначе понимаемую дихотомию врожденного и приобретенного, “крови” и “культуры”. Вместе с тем конструктивизм, утверждая, что этничность имеет социальную природу, использует свою оптику при рассмотрении этнических явлений. В этой связи акцент делается на взаимосвязи этничности и государства и прежде всего на роли официальных классификаций в производстве этничности.

Старт таким исследованиям был дан в 1980-х годах. В 1987 г. У. Петерсен опубликовал работу, где проследил, как в США от переписи к переписи менялся перечень этнических категорий, а их выбор все больше политизировался (Petersen 1987). А годом ранее, в 1986 г. в журнале *Demography* была напечатана статья Х. Хлодин о том, что вопрос о *Hispanic* происхождении был внесен в перепись 1980 г. в результате переговоров статистического бюро США и *Hispanic* организаций, в обмен на облегчение последними доступа переписчикам к своим членам (Choldin 1986). В 1993 г. вышло влиятельное эссе А. Аппадурай, который на примере Индии показал, как введение официальных этнических классификаций приводит к возникновению новых социальных и этнических групп и существенному изменению конструкции этничности на большой территории (Appadurai 1993). Этот тезис был проанализирован С. Бэйли, подробно описавшей роль государств и государственных классификаций в складывании современной кастовой системы (Bayly 1999). Похожая логика использовалась Ф. Хирш, изучавшей формирование этнических категорий в Советском Союзе и наглядно показавшей, что посредством переписи и паспорта эти категории во многом навязывались крестьянскому населению, не определявшему себя в этнических терминах (Hirsch 2005). А Ш. Актюрк в статье 2011 г. показал, как упоминание этнической категории в паспорте влияет на складывание особых режимов этничности (Akturk 2011). В 2001 г. вышел сборник статей, посвященный связи переписи и идентичности. Его редакторы Д. Керцер и Д. Арель во введении сформулировали тезис, во многом резюмирующий описываемый подход: государственная статистика не только и не столько отражает социальную реальность в ее этническом аспекте, сколько конструирует ее (Kertzer, Arel 2001). Ответ на вопрос, зачем вообще нужны официальные этнические категоризации, искали Дж.-Л. Раллу с коллегами; они пришли к выводу, что государства могут “считать, чтобы доминировать”, “не считать, чтобы объединять и ассимилировать”, “считать или не считать во имя мультикультурализма”, а также “считать для искоренения дискриминации” (Rallu et al. 2006). Таким образом, государство посредством бюрократических механизмов, к которым относятся переписи и паспортизация, не столько изучает и фиксирует существующее положение вещей, сколько активно категоризирует население. Если это так, то население должно “верить” в предлагаемые категории, и “вера” должна формироваться за счет эссенциализации этих категорий. Но для этого государство должно быть достаточно убедительным – идет ли речь о непротиворечивости

и последовательности этнических классификаций или об их значимости для распределения ресурсов.

Как, однако, простые люди будут воспринимать этнические категории, если государство ведет непоследовательную классификаторную политику? За редким исключением (*Todd et al.* 2013) в литературе вопрос так не ставился.

Контекст исследования. Что касается этнических и социальных категоризаций, Дагестан на начало XX в. представлял собой пеструю картину. Влияние феодальных государств и политических объединений, в разное время появлявшихся на его территории и в разной степени зависящих от Российской Империи, накладывалось на внешние и внутренние представления о культурных (языковых, ритуальных) сходствах и отличиях (*Тишков, Кисриев* 2007), при том что важнейшим элементом дагестанского общества, структурирующим социальные отношения, были патрилинейные кланы (тухумы) и сельские общины (*джамааты*) (см.: *Гаджиева* 1985; *Магомедова и др.* 2021; *Хашаев* 2007). Как и прочие территории, вошедшие в состав СССР в 1920-е годы, Дагестан стал объектом “концептуального завоевания” (*Hirsch* 2005), т.е. административной реорганизации и актуализации классификаторной деятельности, в рамках которой этнические категории получили название “народности” и “национальности”. Базой для официальных списков национальностей становились существовавшие ранее вернакулярные и научные классификации, при этом сами списки нередко становились предметом дискуссий. К переписи 1926 г. было выделено порядка 40 дагестанских “народностей”, однако к 1939 г., вследствие государственной политики по укрупнению национальностей, их стало около 16, в основном за счет включения проживавших в юго-западной, горной части Дагестана народностей в категорию “аварцы”⁴. Затем, однако, вопреки установке на укрупнение, в переписи 1959 г. были выделены “цахуры” и “рутульцы”. В постсоветских переписях список национальностей был приведен в почти полное соответствие со списком 1926 г., несмотря на существенное противодействие истеблишмента 14 “официальных” национальностей (*Тишков, Кисриев* 2007), от каждой из которых, согласно первой постсоветской конституции Дагестана, в основной республиканский орган исполнительной власти, Госсовет, делегировалось по представителю (*Ланда* 2016). Сейчас – частью в свете исламизации республики, частью по причине деполитизации национальностей – национальная классификация в современном Дагестане постепенно теряет свое значение как регулятор социальных отношений (см.: *Варшавер* 2022а, 2022в).

Эту тенденцию также можно связать с отменой обязательной фиксации национальности в личных документах – соответствующей графы, наличествующей в паспорте гражданина Советского Союза, а затем и России в 1932–1997 гг. (см.: *Arel* 2001; *Байбурун* 2017), а до этого – в личных карточках членов исполнительных комитетов, заключенных и проч.; графа заполнялась со слов заявителя. В конце 1930-х годов, однако, это правило изменилось с введением циркуляра НКВД СССР № 65, в котором указывалось, что запись национальности в документах, удостоверяющих личность, должна осуществляться в соответствии с национальным происхождением родителей (*Байбурун* 2017), на основании их документов. В случае, если мать и отец принадлежали к разным национальностям, можно было выбрать одну из этих национальностей, за исключением особых случаев (*Hirsch* 2005). Эти правила просуществовали до 1997 г., когда в России было принято “Положение о паспорте”, отменившее соответствующую графу⁵. На данный момент национальность в паспорте гражданина РФ не фиксируется, однако в некоторых документах, таких как, например, военный билет или свидетельство о регистрации брака, такая информация может указываться на добровольной основе.

“Положением о паспорте” была предусмотрена возможность использования национальными республиками специального вкладыша, в котором информация, приведенная в паспорте, дублировалась бы на языке республики. В Дагестане была сделана попытка сохранить во вкладыше графу “национальность”, однако из-за возникновения коллизии между нормами республиканского и федерального законодательства уже в 1998 г. эта графа была упразднена (Зайнутдинов 2020). Таким образом, в настоящее время в Дагестане, как и во всей остальной России, указание национальной принадлежности носит факультативный и скорее маргинальный характер.

Методология исследования. Эмпирическим материалом для статьи стали интервью, собранные авторами и их коллегами в августе 2022 г. в Дагестане. Интервью были посвящены этничности в широком смысле, затрагивали разнообразные темы: брачные установки, правила членства в этнических категориях, этнические шутки, но также – смысл этничности, с точки зрения респондента. Именно этот блок гайда стал базовым при анализе данных для написания статьи. Основным инструментом, направленным на выявление позиции информанта на континууме “эссенциализм–конструктивизм”, стала SaBT-виньетка, сформулированная следующим образом:

Представьте себе ситуацию. В семье, где папа аварец и мама аварка, родился ребенок, но сразу после его рождения его родители попали в аварию и погибли, и ребенка взяла семья лучшего друга отца, даргинца по национальности. В этой семье к нему относились как к родному, давали все то же, что и родным детям. Наравне с ними он выучил даргинский язык, а аварский он не знает. Кем этот ребенок, на Ваш взгляд, является по национальности? А если авария произошла не сразу после его рождения, а когда ему было шесть-семь лет? А если погибшие родители русские? А если национальность его родителей неизвестна?

В виньетке использовались различные формулировки в зависимости от того, какие национальности были упомянуты ранее в ходе интервью, однако фабула сохранялась. Помимо этого, для изучения представлений информанта о природе этничности задавался вопрос: “Как Вы считаете, национальности – они вообще важны сейчас? Для чего?” Мы учитывали и то, что релевантная информация могла содержаться в любом фрагменте интервью. Всего было собрано 135 интервью, транскрибировано 133 – они и стали объектом анализа.

Сбор данных проводился в столичной агломерации Дагестана (78 интервью) и в семи горных селах – в Кубачах (10), Уркарах (6), Аракуле (8), Нижнем Картухе (8), Ихреке (6), Бежте (8) и Тлядале (9). В четырех селах в советское время была проведена этническая реклассификация: жители Ихрека – “лезгинцы” – в переписи 1959 г. стали “рутульцами”; “кубачинцы”, в 1926 г. фиксировавшиеся как отдельная национальность, в 1939 г. оказались включены в категорию “даргинцы”; а жители сел Бежта и Тлядал, в первой советской переписи записанные “капучинами”, затем фиксировались как “аварцы”, а в последних переписях часть из них оказалась “бежтинцами”. Интервью, проведенные в столичной агломерации, также различались восприятием этничности, поскольку часть информантов или их родители происходили из реклассифицированных сел.

Транскрипты интервью были загружены в программу для анализа качественных данных “Атлас” и тематически закодированы. На первом этапе были созданы общие коды, обозначающие материал, релевантный теме. Затем были выделены частные коды, которые атрибутировались высказываниям, позволявшим определить взгляд информанта на природу этничности. Так, код “кровь/гены” присваивался высказываниям, где респондент утверждал, что этническая принадлежность имеет биологическую природу и передается генетически; код

“культура/воспитание” – высказываниям, из которых следовало, что этническая принадлежность обретается в процессе социализации; код “идентификация” применялся, если информант заявлял, что этническая принадлежность – это то, что человек думает про себя сам; код “идентификация другими” – если утверждалось, что этническая принадлежность – это то, как определяют человека другие люди; код “документы” закреплялся за высказыванием, из которого следовало, что этническая принадлежность – это то, как человека определяют официальные инстанции и документы, ими выдаваемые. Нередко один и тот же информант высказывал суждения, кодировавшиеся по-разному, поэтому на последнем этапе каждое интервью было проанализировано на предмет общего хода мысли информанта. Затем коллегиальным решением авторов статьи информант классифицировался либо как “эссенциалист” (что соответствовало доминированию в его высказываниях кода “кровь/гены”), либо как “конструктивист” (что соответствовало доминированию всех прочих кодов), и уже вслед за этим из “конструктивистов” были выделены “документарные конструктивисты” – информанты, в интервью которых доминировали высказывания, отмеченные кодом “документы”. Количество интервью позволило подготовить базу данных для статистического анализа, призванного проверить гипотезу, согласно которой документарный конструктивизм распространен в сообществах, ставших объектом этнической реклассификации. В базе данных по каждому информанту были заполнены переменные, отражающие наличие или отсутствие разного типа высказываний, его позицию, его происхождение (из “реклассифицированного села”), а также социально-демографические характеристики (пол, возраст, уровень образования и др.) Подсчет осуществлялся в статистической пакете СПСС методом логистической регрессии, где зависимой переменной был взгляд информанта на природу этничности (коды: 1 – документарный конструктивизм, 0 – любая иная позиция).

Результаты: реконструкция документарного конструктивизма

“Документарный конструктивизм” – это термин, который мы используем для описания высказываний и взглядов людей, сводящих этнические категории к документарной реальности. Этничность в этом мировоззрении – продукт систематизирующей деятельности государства, воплощенный в официальных документах и классификациях (напр., переписях). Как именно это проявляется в ответах людей? Вот одно из высказываний относительно SaBT, которое было классифицировано как выражающее документарно-конструктивистскую позицию:

Инт.: [Проговаривает виньетку]. Его выращивают в семье как родного, вот он в такой ситуации. Аварец или даргинец?

Инф. 1: Не важно, не важно, в какой он нации выращен. [Важно то, что] в свидетельстве о рождении... пишут. Национа же тоже пишут? Да, должно вроде, пишут. <...> То, что пишут, это уже остается на всю жизнь (м., 35, Тлядал).

Здесь информант, отвечая на вопрос о том, кем является ребенок, воспитанный в приемной семье, говорит, что важнейшей характеристикой, позволяющей отнести человека к той или иной национальности, является запись в документах. Эту запись, по мнению информанта, поменять уже нельзя. Во фрагменте интервью, приведенном ниже, информант утверждает, что национальности в Дагестане перестали быть важны и произошло это в связи (или параллельно) с тем, что в паспорте исчезла соответствующая графа:

Инт.: Ну вот национальности сейчас важны в Дагестане?

Инф. 1: Национальности – у нас такого нет. Какой бы национальности... Раньше было в паспорте написано “лакец”, “русская”, “даргинка”, “аварка”. Сейчас это нету. Так нету. Здесь национальности сейчас в паспорте нету.

Инф. 2: [По-лакски]. Почему же, лачка ведь написано?

Инф. 1: Подожди. Нету у нас. Нету. Покажи паспорт – если ты лачка написано, я сейчас повешусь. [Смех] Нету. Раньше было “лачка”, “лакец”, “даргинка”, сейчас нету. Нету такой уже. Уже общее все (м., 75, Аракул).

В этих двух примерах именно документарная реальность для информантов является если не основной модальностью существования этничности/национальности, то важнейшим индикатором ее релевантности.

Третий пример – это обсуждение возможности смены национальности:

Инт.: И что для этого надо?

Инф.: Для смены национальности? Паспорт [поменять]. Имя, наверное, менять... Я не знаю этой процедуры (м., 52, Бежта).

Здесь для информанта вопрос национальности, по сути, редуцируется к вопросу изменения записи в паспорте и приравнивается к процедуре изменения имени. А в следующем примере национальность прямо сводится к “бумажке”:

Инт.: Я просто думал, и некоторые считают, что это [национальность] такая врожденная тема.

Инф.: Врожденная тема – это раса. А нация это всего лишь бумажка (ж., 29, Махачкала).

Реконструированная позиция, таким образом, очевидно не эссенциалистская: в ней этничность лишена изначального примордиального статуса. Однако, эта позиция не совпадает и с логикой классического конструктивизма, прослеживаемой в исследованиях народно-социологических концепций. Этничность в классическом конструктивизме заземлена в культуру, воспитание и т.д., а в документарном конструктивизме – она просто строчка в документах, обусловленная волей государства или (в некоторых случаях) желанием человека. Документарный конструктивизм, таким образом, это реально существующая консистентная позиция, которую можно реконструировать из высказываний простых людей.

Документарный конструктивизм – смешанный и чистый. Довольно часто, однако, тезисы, которые можно было бы описать как документарно-конструктивистские, в нарративах информантов идут вперемешку с тезисами, соотносящимися с иными позициями. Вот как могут выглядеть такие смешанные нарративы:

Инф.: По большому счету я аварец. Я в паспорте записан как аварец, свидетельство о рождении – аварец. Я себя чувствую как аварец. Почему? Потому что мы, например, разговариваем по-бежтински, они если прислушаются, они могут понять наш язык (м., 52, Бежта).

В этом случае паспорт является одним из индикаторов “реальной” национальной принадлежности информанта, но далеко не единственным, и “в ход” идут языковые, самоидентификационные и другие аргументы, которые в совокупности призваны убедить интервьюера, что информант действительно аварец. А в следующем примере паспорт оказывается дополнительным индикатором национальной принадлежности, уступающим в важности другим:

Инт.: То есть получается, ты как бы чувствуешь себя...

Инф.: Больше ботхлинская, наверное.

Инт.: А аварка?

Инф.: Ну, аварка это как по паспорту, наверное. Но я не знаю аварский язык... (ж., 29, Махачкала).

Более того, были зафиксированы случаи, когда документарная модальность существования этничности противопоставлялась как искусственная прочим, которые и признавались “настоящими”:

Инф.: Когда я учился в техникуме, еще родители были аварцы, а когда написали их автоматически лезгинами, уже потом, когда взрослый стал, начал осваиваться. Потом уже говорил, что я аварец. <...> Моя свекровь, она аварка чистокровная была, отец анди, андиец, а мать... Ну, это тоже аварское село. А в паспорте у нее написано было кумычка. Знаешь почему? Тогда в Буйнаксе, вот села в Буйнаксе, – кто разговаривал на кумыкском языке, считали, что она кумычка. <...> Вот это моя подружка глаза мне открыла, что моя свекровь аварка. Она не стала же после этого бежать менять паспорт, как есть, так и написано (м., 59, Аракул).

Само по себе упоминание документарной реальности, таким образом, не говорит однозначно об общей документарно-конструктивистской позиции человека. Вместе с тем было зафиксировано два маркера, которые указывают на нее в диалогах между интервьюером и информантом. Первый (пожалуй, наиболее симптоматичный) характеризуется мгновенным обращением респондента к паспорту или иному официальному артефакту при вопросе об этничности: человек вспоминает о документах раньше, чем о чем-либо другом и именно через рамку документарной реальности интерпретирует вопрос. В одном из интервью зашел разговор о месте проживания информантки и о том, представители какой национальности там живут. Женщина сразу же отправляет к документам:

Инт.: Но при этом все даргинцы?

Инф.: При всем при этом – да, в паспортном столе пишут все даргинцы. Или просто пишут россиянин, гражданин, россиянин. Ну, там по ихним указаниям, когда каждый раз им указания разные приходят, по этим указаниям пишут в паспортах (ж., 60, Кубачи).

Второй маркер, “выдающий” документарного конструктивиста, – это обращение к документарной реальности как ультимативному аргументу в рассуждениях респондента об этнической принадлежности: размышляя об этом, человек сомневается, приводит доводы в пользу разных позиций, но в конечном счете обращается к документарной реальности как к финальному аргументу.

Инф.: [В ответ на SaBT-виньетку] Ну да, все у него – будет разговаривать по-аварски, все-все, ну, раз... Если там есть в этом селе даргинцы, и разговаривать с ними, он если уже знает даргинский язык, он и по-даргински, и по-аварски будет разговаривать. <...> Как он был даргинец, если у него в документах написано, например, в два-три года, если у него написано “даргинец”, это остается до конца “даргинец”. <...> Все равно то, что там есть, на этом, написано “даргинец” – все, до конца остается так же, никакой разницы нет (м., 55, Бежта).

Информант, по сути, говорит, что на фоне документарной реальности все его предыдущие рассуждения не имеют значения, “разницы нет”. Независимо от степени овладения культурой, традицией и языком, человек “до конца остается так же”, как написано в документах.

Каковы случаи документарного конструктивизма, максимально приближенные к “чистым типам”? Информантке 28 лет, она выросла в с. Ихрек, однако во взрослом возрасте переехала в Санкт-Петербург, вышла замуж за мужчину из

Центральной Азии, работает кавистом. В родное село женщина приезжает нечасто, с единственной, по ее словам, целью навестить родителей. Зашел разговор о национальности ее сына, на что она сказала: “[У него] национальност[и] нету. А можно дать национальность. Это можно в ЗАГСе сделать”. Когда же интервьюер спросил, не является ли национальностью ребенка национальность отца, она ответила, что “это просто, наверное, стереотипы старых времен”.

Не следует, впрочем, думать, что документарный конструктивизм – это позиция исключительно молодых, городских (“современных”) людей. Приведем дугой пример. Информант – мужчина 50 лет из с. Бежта, на данный момент работает охранником. После службы в армии он переехал в другое село, а чуть позже уехал на заработки в Волгоградскую область, где прожил некоторое время. В разговоре о различиях между национальностями информант первым делом отсылает к советской реальности и к тому, как в то время “перечерчивались” этнические общности: «Ну как можно вам объяснить? Вот, например, бежтинцы – это у нас называлось “Анцухо-капучинское горное общество”. <...> Но во время СССР объединили все горные и дали название – аварцы». Затем, при обсуждении виньетки, он утверждает, что ребенок, «если у него написано “даргинец”, это остается до конца». Но когда речь заходит о возможности смены национальности, выясняется, что сделать это можно путем изменения записи в документах: “Если [неаварка, вышедшая замуж за аварца] захочет написать, что она аварка – она аварка, и все, это от человека зависит”. Таким образом, документарный конструктивизм, в рамках которого этническая реальность оказывается полностью или преимущественно редуцирована к реальности официальных документов и классификаций, – это явление, реально существующее в Дагестане. Можно ли говорить о том, что оно распространено в тех или иных сообществах и социальных группах – что позволяет предположить механизм возникновения и закрепления такой позиции?

Детерминанты документарно-конструктивистской позиции. Чтобы определить, какими факторами обуславливается документарно-конструктивистская позиция информантов, был осуществлен базовый количественный анализ. Кроме того, в ходе базового анализа проверялась гипотеза, согласно которой документарно-конструктивистская позиция больше распространена в тех сообществах, члены которых были как минимум один раз реклассифицированы советской властью.

По результатам кодирования высказываний (Табл. 1), 46% информантов были квалифицированы как эссенциалисты, 54% – как конструктивисты, 12% от общего числа информантов (15 человек) – как документарные конструктивисты.

Таблица 1

Распределение информантов по категориям

Категория	Число (чел.)	Доля (%)
Эссенциалисты	56	46
Конструктивисты	67	54
Документарные конструктивисты	15	12
Всего	123	100

Такое распределение позволило сделать дополнительные расчеты и определить, какие факторы связаны с документарно-конструктивистской установкой.

Таблица 2

Логистическая регрессионная модель

Предиктор	Кэф- фици- ент В	Стан- дартная ошибка	χ^2 Вальда	Степени свободы	Значи- мость	Отно- шение шансов
Село было реклассифицировано: 1 – да, 0 – нет	1,639	0,681	5,791	1	0,016	5,15
Возраст (лет)	0,05	0,018	7,711	1	0,005	1,052
Гендер: 1 – мужчина, 2 – женщина	-0,411	0,652	0,397	1	0,528	0,663
Образование: 1 – высшее, неокончен- ное высшее; 0 – среднее и ниже	0,148	0,367	0,162	1	0,687	1,159
Жил вне Дагестана: 2 – да, долго, 1 – да, недолго, 0 – нет	-0,058	0,365	0,026	1	0,873	0,943
Constant	-4,951	1,264	15,341	1	0	0,007
Зависимая переменная: информант квалифицирован как документарный конструктивист; 1 – да, 0 – нет						
Сводка по модели						
N	99					
-2 log правдоподобие	65,270 ^a					
χ^2 Найджелкерка	0,304					
χ^2 Кокса и Снелла	0,174					

В расчеты было включено только 99 случаев, поскольку о некоторых информантах не было известно, из какого они села происходят, или же они сами себя квалифицировали как “городских”, не связанных с каким-либо селом. Полученные результаты свидетельствуют о том, что, переменная “происхождение из реклассифицированного села” является значимым предиктором документарно-конструктивистской позиции: ее вероятность у бывших или настоящих жителей таких сел в пять раз выше, чем у остальных. Другой фактор – возраст: чем старше человек, тем с большей вероятностью в его нарративе доминирует позиция “национальность – это строчка в паспорте”. А вот образование и опыт жизни вне Дагестана (переменные, включенные в расчеты исходя из предположения, согласно которому детерминантом конструктивистской позиции является усложнение опыта) документарно-конструктивистскую (равно как и просто конструктивистскую, как следует из расчетов, не включенных в финальный текст статьи) позицию не обуславливают.

Таким образом, документарный конструктивизм распространен в большей степени: а) среди людей старших возрастов; б) среди тех, кто имеет отношение к сообществам, чья национальность реклассифицировалась в советское время. Это может означать, что “перекройка” этничности является своего рода “шоковой терапией”, а опыт людей, прошедших реклассификацию, позволяет им задуматься о природе этничности и прийти к выводу, что этнические различия – это не естественная реальность, а продукт классифицирующей деятельности государства. По мере “забывания” этого опыта может меняться и доминирующая народная теория этничности.

Выводы и дискуссия

Согласно результатам нашего исследования, в Дагестане существует мнение, что национальность – это всего лишь строчка в паспорте; значительно больше оно распространено среди людей, происходящих из сообществ, чья национальность на протяжении последнего столетия реклассифицировались государством. Это мнение, однако, не единственное (и, как можно предположить, не доминирующее), распространены и народно-социологические суждения, которые можно классифицировать как эссенциалистские и конструктивистские в традиционном смысле. Это позволяет нам говорить о том, что взгляд на природу этничности (хотя бы частично) является переменной, “значение” которой зависит от особенностей этнической реальности на определенной территории. Поэтому не удивительно, что кочевники Ф. Ги́ла-Уайта, в исторической памяти которых этничность относительно статична, оказываются в большей степени эссенциалистами, респонденты М. Кановски из Западной Украины, где этничность имела более динамичный характер, – конструктивистами, а дагестанцы, чья национальность начиная с 1920-х годов была во многом результатом государственных классификаций – документарными конструктивистами. Иными словами, народная теория этничности носит эмпирический характер, и она будет тем больше конструктивистской, чем больше поводов дает для этого социальная реальность. Кроме того, эта теория становится несущим элементом представлений об этничности в соответствующих сообществах, что может иметь свои последствия: если национальность – это то, что навязывало (причем непоследовательно) государство, стоит ли ориентироваться на нее в повседневной жизни, в выборе брачных партнеров, в выстраивании политических коалиций и проч.

В такой логике можно было бы предположить, что государство в современных контекстах будет всегда “конструктивизировать” народные представления об этничности – просто по факту того, что оно часто так или иначе пытается контролировать этот вопрос (*Morning* 2015). Вопрос этничности, однако, так просто не решается: здесь играет свою роль, с одной стороны, глубина исторической памяти, позволяющая коллективно “не забывать” о когда-то произошедших реклассификациях и о соответствующих отметках в документах, с другой – убедительность государства как конструктора реальности. Убедительность в свою очередь может оградить, например, от инструментальной заинтересованности реклассифицируемых сообществ в интериоризации новых категорий. В Дагестане государство в своей классификаторной деятельности было непоследовательно, что, по всей видимости, и породило документарный конструктивизм, отрицающий любую природу национальностей, кроме “казенной”.

Эти соображения тем не менее не снимают, а лишь усложняют исходный вопрос о природных интуициях человека, регулирующих его восприятие этничности. То, что народная социология этничности иногда релятивизирует актуальные этнические классификации, не отменяет того, что человеческий мозг в целом склонен их эссенциализировать. Просто затем эта эссенциализация иногда получает подкрепление в виде народной теории, а иногда – ей противоречит; в последнем случае “исходные настройки” скрываются глубоко внутри (*below-the-surface*), однако не исчезают. Народные теории этничности и базовое представление человека о природе этничности – это, таким образом, два разных вопроса, друг с другом связанные, но не конфликтующие. Более того, использование нарративных методов в исследованиях народной социологии – не лучший способ ответить на вопрос, как воспринимает этнические классификации человеческий мозг. Не удивительно, что часть ученых удовлетворяются грубым континуумом “природа – культура”, не пытаясь более тон-

ко реконструировать представления об этничности простых людей. Например, явно не доисследован народный инструментализм – рефлексии простых людей над природой этничности в ситуации, когда существует возможность менять идентификацию в зависимости от обстоятельств; эта практика распространена и о ней широко известно. В Дагестане инструменталистский нарратив отражает, например, сюжет горских евреев, которые иногда переписывались в СССР как таты, что позволяло им избежать дискриминации, но на восприятие природы этничности это если и влияло, то не сильно. И в целом советская практика жесткой привязки национальности к документам и к национальности родителей стимулировала людей или эссенциализировать этничность (если они “верили” государству), или конструктивизировать ее в документарном ключе (если государственные классификации казались не заслуживающими доверия).

Таким образом, разнообразные народные теории этничности, не сводимые к дихотомии “врожденное–приобретенное”, еще только должны стать объектом изучения. Данная статья, в которой анализируется документарный конструктивизм как одна из таких теорий и объясняется ее распространенность в сообществах определенного типа, хочется надеяться, внесет свой вклад в исследования народной социологии этничности.

Благодарности

Привлечение студентов к сбору данных стало возможным благодаря программе НИУ ВШЭ “Открываем Россию заново”, а подготовительный этап прошел в рамках мастерской Центра полевых исследований Свободного образовательного проекта “Летняя школа”.

Авторы статьи благодарны Н. Ивановой, Ю. Гупаловой, М. Гуцунаеву-Малиновскому, С. Кузнецовой, А. Куниной, А. Малиновскому, Д. Похильчуку, А. Ракачевой, А. Самосудовой, А. Хабибуллину, А. Шульц за участие в сборе данных, Р.С. Абдулмеджидову, Х.Н. Курбанову, И.Х. Курбановой, Р.М. Магомедовой, А.А. Мурзаеву и С.А. Ниналалову за помощь с организацией сбора данных, а также Р.А. Кадиеву и Н.А. Зайнитдинову за прояснение некоторых “паспортных” вопросов.

Примечания

¹ Фактически он говорил о различии типов социальных конструкторов, но его тезис был понят научным сообществом неверно: так, как будто он считал, что “социальные предзаданности” действительно существуют, а не конструируются. О рецепциях концепции примордиальности см.: *Geertz 1994*.

² Согласно тезису Ф. Барта, группы существуют, но, во-первых, их культура складывается не за счет адаптации к природе, как считалось в проблематизируемых им антропологических подходах, а за счет взаимодействий с представителями других этнических групп на пространственных и одновременно социальных границах, во-вторых, именно на границах складываются представления о культуре группы, которые могут существенно отличаться от того, что может наблюдать антрополог со стороны.

³ SaBT – классическое для исследований в области народной социологии этничности задание, в рамках которого информантам предлагается ответить на вопрос об этнической принадлежности ребенка, родители которого погибли в автокатастрофе, и его отдали на воспитание представителям другой этнической категории. У этого вопроса есть вариации, касающиеся возраста ребенка и прочих значимых контекстуальных переменных.

⁴ Расчеты авторов по материалам демографического электронного журнала Demoscope Weekly. <http://www.demoscope.ru>

⁵ См.: Постановление Народного Собрания Республики Дагестан “О паспорте нового образца гражданина Российской Федерации” от 29.04.1998 № 1977.

Научная литература

- Байбурин А.К. Советский паспорт: история – структура – практики. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2017.
- Варшавер Е.А. В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022а. № 4. С. 199–221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>
- Варшавер Е.А. “Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма”: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социологическое обозрение. 2022б. Т. 21. № 3. С. 31–58. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-31-58>
- Варшавер Е.А. (ред.) По следам этнического разнообразия в современном Дагестане: сборник статей по результатам студенческой экспедиции. М.: ИД ВШЭ, 2022в. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2666-8>
- Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985.
- Зайнитдинов Н.А. Указание национальности в паспорте гражданина Российской Федерации как форма реализации права на национальную принадлежность // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 1 (110). С. 46–53.
- Ланда К.Г. Место и роль Государственного совета в формировании властной системы Республики Дагестан // Власть. 2016. № 1. С. 63–67.
- Магомедова Р.М., Рамазанова Б.Ш., Гусеинова И.С., Нахибашев З.М. Развитие института тухума у народов Западного Дагестана в XIX веке // Образование и право. 2021. № 8. С. 378–383. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-8-378-383>
- Тишков В.А., Кисриев Э.Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 93–123.
- Хашаев Х.-М. Законы вольных обществ XVII–XIX вв. Махачкала: Эпоха, 2007.
- Akturk S. Regimes of Ethnicity: Comparative Analysis of Germany, the Soviet Union/ Post-Soviet Russia, and Turkey // World Politics. 2011. Vol. 63. No. 1. P. 115–164. <https://doi.org/10.1353/wp.2011.0001>
- Appadurai A. Number in the Colonial Imagination // Orientalism and the Postcolonial Predicament: Perspectives on South Asia / Eds. C.A. Breckenridge, P. van der Veer. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993. P. 314–339.
- Arel D. Fixing Ethnicity in Identity Documents: The Rise and Fall of Passport Nationality in Russia. Washington: National Council for Eurasian and East European Research, 2001.
- Astuti R. “The Vezo are not a Kind of People”: Identity, Difference, and “Ethnicity” among a Fishing People of Western Madagascar // American Ethnologist. 1995. Vol. 22. No. 3. P. 464–484. <https://doi.org/10.1525/ae.1995.22.3.02a00010>
- Astuti R. Are We All Natural Dualists? A Cognitive Developmental Approach: The Malinowski Memorial Lecture, 2000 // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2001. Vol. 7. No. 3. P. 429–447.
- Astuti R., Solomon G., Carey S. Constraints on Conceptual Development: A Case Study of the Acquisition of Folkbiological and Folksociological Knowledge in Madagascar // Monographs of the Society for Research in Child Development. 2004. Vol. 69. No. 3. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5834.2004.00297.x>

- Barth F.* Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Long Grove: Waveland Press, 1998.
- Bayly S.* Caste, Society and Politics in India from the Eighteenth Century to the Modern Age. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521264341>
- Berg-Sorensen A., Holtug N., Lippert-Rasmussen K.* Essentialism vs. Constructivism: Introduction // *Distinktion Journal of Social Theory*. 2011. Vol. 11. No. 1. P. 39–45. <https://doi.org/10.1080/1600910X.2010.9672754>
- Birnbaum D. et al.* The Development of Social Essentialism: The Case of Israeli Children's Inferences About Jews and Arabs // *Child Development*. 2010. Vol. 81. No. 3. P. 757–777. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2010.01432.x>
- Brubaker R.* Ethnicity without Groups // *European Journal of Sociology/Archives européennes de sociologie*. 2002. Vol. 43. No. 2. P. 163–189. <https://doi.org/10.1017/S0003975602001066>
- Chandra K.* Constructivist Theories of Ethnic Politics. Oxford: Oxford University Press, 2012. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199893157.001.0001>
- Choldin H.M.* Statistics and Politics: The “Hispanic Issue” in the 1980 Census // *Demography*. 1986. No. 23. P. 403–418. <https://doi.org/10.2307/2061438>
- Cosmides L., Tooby J., Kurzban R.* Perceptions of Race // *Trends in Cognitive Sciences*. 2003. Vol. 7. No. 4. P. 173–179. [https://doi.org/10.1016/S1364-6613\(03\)00057-3](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(03)00057-3)
- Diesendruck G., Birnbaum D., Deeb I., Segall G.* Learning What is Essential: Relative and Absolute Changes in Children's Beliefs about the Heritability of Ethnicity // *Journal of Cognition and Development*. 2012. Vol. 14. No. 4. P. 1–15. <https://doi.org/10.1080/15248372.2012.691142>
- Erut E.S.* Ethnicity, Essentialism, and Folk Sociology among the Wichí of Northern Argentina. MA diss., University of California, Los Angeles, 2017.
- Geertz C.* The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States // *Old Societies and New States: The Quest for Modernity in Asia and Africa* / Ed. C. Geertz. N.Y.: The Free Press of Glencoe, 1963. P. 105–157.
- Geertz C.* Primordial Loyalties and Standing Entities: Anthropological Reflections on the Politics of Identity: Public Lectures (Lecture No. 7). Budapest: Collegium Budapest; Institute for Advanced Study, 1994. http://hypergeertz.jku.at/GeertzTexts/Primordial_loyalties.htm
- Gil-White F.J.* Are Ethnic Groups Biological “Species” to the Human Brain? Essentialism in Our Cognition of Some Social Categories // *Current Anthropology*. 2001. Vol. 42. No. 4. P. 515–554. <https://doi.org/10.1086/321802>
- Hale H.E.* Explaining Ethnicity // *Comparative Political Studies*. 2004. Vol. 37. No. 4. P. 458–485.
- Hamer K. et al.* What Is an “Ethnic Group” in Ordinary People's Eyes? Different Ways of Understanding It Among American, British, Mexican, and Polish Respondents // *Cross-Cultural Research*. 2020. Vol. 54. No. 1. P. 28–72. <https://doi.org/10.1177/1069397118816939>
- Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Hirschfeld L.A.* Race in the Making: Cognition, Culture, and the Child's Construction of Human Kinds. Cambridge: MIT Press, 1996.
- Horowitz D.L.* “The Primordialists”: Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism. L.: Routledge, 2002. <https://doi.org/10.4324/9780203166246>
- Hussak L.J., Cimpian A.* “It Feels Like It's in Your Body”: How Children in the United States Think about Nationality // *Journal of Experimental Psychology*

- General. 2019. Vol. 148. No. 7. P. 1153–1168. <https://doi.org/10.1037/xge0000567>
- Kanovsky M. Essentialism and Folksociology: Ethnicity Again // *Journal of Cognition and Culture*. 2007. Vol. 7. No. 3–4. P. 241–281. <https://doi.org/10.1163/156853707X208503>
- Kertzer D.I., Arel D. *Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. <https://doi.org/10.1017/S0143814X02212040>
- Kinzler K.D., Dautel J.B. Children's Essentialist Reasoning about Language and Race // *Developmental Science*. 2012. Vol. 15. No. 1. P. 131–138. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7687.2011.01101.x>
- Kurzban R., Tooby J., Cosmides L. Can Race Be Erased? Coalitional Computation and Social Categorization // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2002. Vol. 98. No. 26. P. 15387–15392. <https://doi.org/10.1073/pnas.251541498>
- Morning A. Ethnic Classification in Global Perspective: A Cross-National Survey of the 2000 Census Round // *Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics* / Eds. P. Simon, V. Piche, A.A. Gagnon. Cham: Springer Nature, 2015. P. 17–37.
- Petersen W. Politics and the Measurement of Ethnicity // *The Politics of Numbers: Russell Sage Foundation* / Eds. W. Alonso, P. Starr. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1987. P. 187–234.
- Rad M.S., Ginges J. Folk Theories of Nationality and Anti-Immigrant Attitudes // *Nature Human Behaviour*. 2018. Vol. 2. No. 5. P. 343–347. <https://doi.org/10.1038/s41562-018-0334-3>
- Rallu J.-L., Piche V., Simon P. *Demography and Ethnicity: An Ambiguous Relationship // Demography: Analysis and Synthesis: A Treatise in Population Studies* / Eds. G. Caselli, J. Vallin, G. Wunsch. Burlington: Elsevier Academic Press, 2006. P. 531–549.
- Roberts S.O., Gelman S.A. Can White Children Grow up to be Black? Children's Reasoning about the Stability of Emotion and Race // *Developmental Psychology*. 2016. Vol. 52. No. 6. P. 887–893. <https://doi.org/10.1037/dev0000132>
- Schraml C. How is Ethnicity Experienced? Essentialist and Constructivist Notions of Ethnicity in Rwanda and Burundi // *Ethnicities*. 2014. Vol. 14. No. 5. P. 615–633. <https://doi.org/10.1177/1468796813519781>
- Simon P., Piche V., Gagnon A.A. (eds.) *Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics*. Cham: Springer Nature, 2015.
- Todd J., O'Keefe T., Rougier N., Bottos L.C. Fluid or Frozen? Choice and Change in Ethno-National Identification in Contemporary Northern Ireland // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2006. Vol. 12. No. 3–4. P. 323–346. <https://doi.org/10.1080/13537110600882429>
- Williams D.U. How Useful are the Main Existing Theories of Ethnic Conflict? // *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 2015. Vol. 4. No. 1. P. 147–152. <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v4n1p147>
- Wimmer A. Herder's Heritage and the Boundary-Making Approach: Studying Ethnicity in Immigrant Societies // *Sociological Theory*. 2009. Vol. 27. No. 3. P. 244–270.
- Wimmer A. *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Woods R. The Development of Non-Essentialist Concepts of Ethnicity among Children in a Multicultural London Community // *British Journal of Developmental Psychology*. 2017. Vol. 35. No. 4. P. 546–567. <https://doi.org/10.1111/bjdp.12194>

Research Article

Varshaver, E.A., A.A. Orlova, and A.E. Shulga. Documentary Constructivism as a Special Form of Constructivist Folk Sociology: Evidence from Dagestan [Dokumentarnyi konstruktivizm kak osobaia forma konstruktivistskoi narodnoi sotsiologii: svidetel'stva iz Dagestana]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 6, pp. 156–177. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060106> EDN: MOURPT ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Evgeni Varshaver | <http://orcid.org/0000-0002-5901-8470> | varshavere@gmail.com | Institute of Applied Economic Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82–84, bldg. 8, rm. 2004, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russia)

Anastasia Orlova | <http://orcid.org/0009-0001-4245-5113> | aaorlova_10@edu.hse.ru | National Research University Higher School of Economics (11 Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russia)

Andrei Shulga | <http://orcid.org/0009-0002-6042-8546> | rastrub00@gmail.com | National Research University Higher School of Economics (11 Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russia)

Keywords

ethnicity, folk sociology, Dagestan, constructivism, classification, documents

Abstract

In this article, the existence of documentary constructivism is justified in the context of literature dedicated to folk theories of ethnicity. Documentary constructivism views ethnicity primarily as an administrative concept. This view is described based on 130 interviews conducted in Dagestan, where the state has changed ethnic classifications several times over the course of the 20th century and relocated entire communities from one nationality to another. It is shown that this view is significantly more prevalent in communities that have been the subject of such re-categorization. These conclusions are placed in the context of literature that traditionally describes folk constructivism solely as a view that ethnic affiliation is an acquired characteristic rather than an innate one. We argue that the prevalence of different folk theories of ethnicity is related to the characteristics of the social context. Furthermore, we suggest that further investigation into the variability of folk theories of ethnicity and their determinants is warranted.

References

- Akturk, S. 2011. Regimes of Ethnicity: Comparative Analysis of Germany, the Soviet Union/Post-Soviet Russia, and Turkey. *World Politics* 63 (1): 115–164. <https://doi.org/10.1353/wp.2011.0001>
- Appadurai, A. 1993. Number in the Colonial Imagination. In *Orientalism and the Postcolonial Predicament: Perspectives on South Asia*, edited by C.A. Breckenridge and P. van der Veer, 314–339. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Arel, D. 2001. *Fixing Ethnicity in Identity Documents: The Rise and Fall of Passport Nationality in Russia*. Washington: National Council for Eurasian and East European Research.
- Astuti, R. 1995. “The Vezo are not a Kind of People”: Identity, Difference, and

- “Ethnicity” among a Fishing People of Western Madagascar. *American Ethnologist* 22 (3): 464–484. <https://doi.org/10.1525/ae.1995.22.3.02a00010>
- Astuti, R. 2001. Are We All Natural Dualists? A Cognitive Developmental Approach: The Malinowski Memorial Lecture, 2000. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 7 (3): 429–447.
- Astuti, R., G. Solomon, and S. Carey. 2004. Constraints on Conceptual Development: A Case Study of the Acquisition of Folkbiological and Folksociological Knowledge in Madagascar. *Monographs of the Society for Research in Child Development* 69 (3). <https://doi.org/10.1111/j.1540-5834.2004.00297.x>
- Baiburin, A.K. 2017. *Sovetskii pasport: istoriia – struktura – praktiki* [The Soviet Passport: The History, Nature, and Uses of the Internal Passport in the USSR]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta.
- Barth, F. 1998. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Long Grove: Waveland Press.
- Bayly, S. 1999. *Caste, Society and Politics in India from the Eighteenth Century to the Modern Age*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521264341>
- Berg-Sorensen, A., N. Holtug, and K. Lippert-Rasmussen. 2011. Essentialism vs. Constructivism: Introduction. *Distinktion Journal of Social Theory* 11 (1): 39–45. <https://doi.org/10.1080/1600910X.2010.9672754>
- Birnbaum, D., et al. 2010. The Development of Social Essentialism: The Case of Israeli Children's Inferences About Jews and Arabs. *Child Development* 81 (3): 757–777. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2010.01432.x>
- Brubaker, R. 2002. Ethnicity without Groups. *European Journal of Sociology/Archives européennes de sociologie* 43 (2): 163–189. <https://doi.org/10.1017/S0003975602001066>
- Chandra, K. 2012. *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199893157.001.0001>
- Choldin, H.M. 1986. Statistics and Politics: The “Hispanic Issue” in the 1980 Census. *Demography* 23: 403–418. <https://doi.org/10.2307/2061438>
- Cosmides, L., J. Tooby, and R. Kurzban. 2003. Perceptions of Race. *Trends in Cognitive Sciences* 7 (4): 173–179. [https://doi.org/10.1016/S1364-6613\(03\)00057-3](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(03)00057-3)
- Diesendruck, G., D. Birnbaum, I. Deeb, and G. Segall. 2012. Learning What is Essential: Relative and Absolute Changes in Children's Beliefs about the Heritability of Ethnicity. *Journal of Cognition and Development* 14 (4): 1–15. <https://doi.org/10.1080/15248372.2012.691142>
- Erut, E.S. 2017. Ethnicity, Essentialism, and Folk Sociology Among the Wichí of Northern Argentina. MA diss., University of California.
- Gadzhieva, S.S. 1985. *Sem'ia i brak u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v* [Family and Marriage Among the Peoples of Dagestan in the 19 – Early 20 Centuries]. Moscow: Nauka.
- Geertz, C. 1963. The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States. In *Old Societies and New States: The Quest for Modernity in Asia and Africa*, edited by C. Geertz, 105–157. New York: The Free Press of Glencoe.
- Geertz, C. 1994. *Primordial Loyalties and Standing Entities: Anthropological Reflections on the Politics of Identity. Public Lectures (Lecture No. 7)*. Budapest: Collegium Budapest; Institute for Advanced Study. http://hypergeertz.jku.at/GeertzTexts/Primordial_loyalties.htm
- Gil-White, F.J. 2001. Are Ethnic Groups Biological “Species” to the Human Brain? Essentialism in Our Cognition of Some Social Categories. *Current Anthropology* 42 (4): 515–554. <https://doi.org/10.1086/321802>

- Hale, H.E. 2004. Explaining Ethnicity. *Comparative Political Studies* 37 (4): 458–485.
- Hamer, K., et al. 2020. What Is an “Ethnic Group” in Ordinary People’s Eyes? Different Ways of Understanding It Among American, British, Mexican, and Polish Respondents. *Cross-Cultural Research* 54 (1): 28–72. <https://doi.org/10.1177/1069397118816939>
- Hirsch, F. 2005. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
- Hirschfeld, L.A. 1996. *Race in the Making: Cognition, Culture, and the Child’s Construction of Human Kinds*. Cambridge: MIT Press.
- Horowitz, D.L. 2002. “The Primordialists”: *Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203166246>
- Hussak, L.J., and A. Cimpian. 2019. “It Feels Like It’s in Your Body”: How Children in the United States Think about Nationality. *Journal of Experimental Psychology General* 148 (7): 1153–1168. <https://doi.org/10.1037/xge0000567>
- Kanovsky, M. 2007. Essentialism and Folksociology: Ethnicity Again. *Journal of Cognition and Culture* 7 (3–4): 241–281. <https://doi.org/10.1163/156853707X208503>
- Kertzer, D.I., and D. Arel. 2001. *Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/S0143814X02212040>
- Khashaev, K.-M. 2007. *Zakony vol’nykh obshchestv XVII–XIX vv.* [The Laws of Independent Societies in the 17–19 Centuries]. Makhachkala: Epokha.
- Kinzler, K.D., and J.B. Dautel. 2012. Children’s Essentialist Reasoning about Language and Race. *Developmental Science* 15 (1): 131–138. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7687.2011.01101.x>
- Kurzban, R., J. Tooby, and L. Cosmides. 2002. Can Race Be Erased? Coalitional Computation and Social Categorization. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 98 (26): 15387–15392. <https://doi.org/10.1073/pnas.251541498>
- Landa, K.G. 2016. Mesto i rol’ Gosudarstvennogo soveta v formirovanii vlastnoi sistemy Respubliki Dagestan [Place and Role of the State Council in the Formation of the Power System of the Republic of Dagestan]. *Vlast’* 1: 63–67.
- Magomedova, R.M., B.S. Ramazanova, I.S. Guseinova, and Z.M. Nakhibashev. 2021. Razvitie instituta tukhuma u narodov Zapadnogo Dagestana v XIX veke [Development of the Tukhum Institute among the Peoples of Western Dagestan in the 19 Century]. *Obrazovanie i pravo* 8: 378–383. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-8-378-383>
- Morning, A. 2015. Ethnic Classification in Global Perspective: A Cross-National Survey of the 2000 Census Round. In *Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics*, edited by P. Simon, V. Piche, and A.A. Gagnon, 17–37. Cham: Springer Nature.
- Petersen, W. 1987. Politics and the Measurement of Ethnicity. In *The Politics of Numbers: Russell Sage Foundation*, edited by W. Alonso and P. Starr, 187–234. New York: Russell Sage Foundation.
- Rad, M.S., and J. Ginges. 2018. Folk Theories of Nationality and Anti-Immigrant Attitudes. *Nature Human Behaviour* 2 (5): 343–347. <https://doi.org/10.1038/s41562-018-0334-3>
- Rallu, J.-L., V. Piche, and P. Simon. 2006. Demography and Ethnicity: An Ambiguous Relationship. In *Demography: Analysis and Synthesis: A Treatise in Population Studies*, edited by G. Caselli, J. Vallin, and G. Wunsch, 531–549. Burlington: Elsevier Academic Press.
- Roberts, S.O., and S.A. Gelman. 2016. Can White Children Grow up to be Black?

- Children's Reasoning about the Stability of Emotion and Race. *Developmental Psychology* 52 (6): 887–893. <https://doi.org/10.1037/dev0000132>
- Schraml, C. 2014. How is Ethnicity Experienced? Essentialist and Constructivist Notions of Ethnicity in Rwanda and Burundi. *Ethnicities* 14 (5): 615–633. <https://doi.org/10.1177/1468796813519781>
- Simon, P., V. Piche, and A.A. Gagnon, eds. 2015. *Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics*. Cham: Springer Nature.
- Tishkov, V.A., and E.F. Kisriev. 2007. Mnozhestvennye identichnosti mezhdu teoriei i politikoi (primer Dagestana) [Multiple Identities between Theory and Politics (The Case of Dagestan)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 93–123.
- Todd, J., T. O'Keefe, N. Rougier, and L.C. Bottos. 2006. Fluid or Frozen? Choice and Change in Ethno-National Identification in Contemporary Northern Ireland. *Nationalism and Ethnic Politics* 12 (3–4): 323–346. <https://doi.org/10.1080/13537110600882429>
- Varshaver, E.A. 2022. “Perestat’ pinat’ mertvuiu loshad’ primordializma”: aktual’nye povestki dnya v konstruktivistskikh issledovaniyakh etnichnosti [“Stop Beating the Dead Primordial Horse”: Actual Agendas in the Constructivist Research of Ethnicity]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 21 (3): 31–58. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-31-58>
- Varshaver, E.A. 2022. V lovushke dvoynoi irrelevantnosti: (vos)proizvodstvo etnichnosti vo vzaimodeystviyakh mezhdu perepischikami i perepisyvaemymi v khode vs Rossiiskoi perepisi 2021 g. v Dagestane [Trapped in Double-Irrelevancy: (Re)Production of Ethnicity in Interactions between Census-Takers and Their Respondents Based on Results of Observations During 2021 All-Russian Census in Dagestan]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny* 4: 199–221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>
- Varshaver, E.A., ed. 2022. *Po sledam etnicheskogo raznoobraziia v sovremennom Dagestane: sbornik statei po rezul’tatam studencheskoi ekspeditsii* [On Ethnic Diversity in Modern Dagestan: Students Field Trip Collection of Articles]. Moscow: Izdatel’skii dom Vysshei Shkoly Ekonomiki. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2666-8>
- Williams, D.U. 2015. How Useful are the Main Existing Theories of Ethnic Conflict? *Academic Journal of Interdisciplinary Studies* 4 (1): 147–152. <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v4n1p147>
- Wimmer, A. 2009. Herder’s Heritage and the Boundary-Making Approach: Studying Ethnicity in Immigrant Societies. *Sociological Theory* 27 (3): 244–270.
- Wimmer, A. 2013. *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford: Oxford University Press.
- Woods, R. 2017. The Development of Non-Essentialist Concepts of Ethnicity among Children in a Multicultural London Community. *British Journal of Developmental Psychology* 35 (4): 546–567. <https://doi.org/10.1111/bjdp.12194>
- Zainitdinov, N.A. 2020. Ukazanie natsional’nosti v pasporte grazhdanina Rossiiskoi Federatsii kak forma realizatsii prava na natsional’nyi prinalozhnost’ [Indication of Nationality in the Passport of a Citizen of the Russian Federation as a Form of Exercising the Right to Nationality]. *Aktual’nye problemy rossiiskogo prava* 15 (1/110): 46–53.